



Александр
ДЮМА

**Учитель
фехтования**

Лучшая мировая
классика

Лучшая мировая классика

Александр Дюма
Учитель фехтования

«Издательство АСТ»

1840

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

Дюма А.

Учитель фехтования / А. Дюма — «Издательство АСТ»,
1840 — (Лучшая мировая классика)

ISBN 978-5-17-158378-1

Один из самых захватывающих романов великого Дюма. Роман, в котором он изменяет своему обычному вольному обращению с историческими фактами — и точно, мастерски описывает восстание декабристов в России и жестокое его подавление, обернувшееся трагедией для дворянской интеллигенции. На фоне этой трагедии разворачивается история любви декабриста Ивана Александровича Анненкова и молодой французской модистки Полины Гёбль, ставших прототипами героев романа Дюма — графа Алексея Анненкова и Луизы Дюпюи, последовавшей за возлюбленным в ад сибирской ссылки. История, увиденная сторонним наблюдателем — умным, умудренным жизненным опытом французским учителем фехтования...

УДК 821.133.1-311.3

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-158378-1

© Дюма А., 1840

© Издательство АСТ, 1840

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Дюма

Учитель фехтования

Перевод с французского под редакцией О. Моисеенко

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Воронина

© Перевод. О. Моисеенко, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

– Бог ты мой! Что за чудо! – воскликнул Гризье, увидев меня на пороге фехтовальной залы, где он задержался после ухода наших друзей.

В самом деле, с того самого вечера, когда Альфред де Нерваль рассказал нам историю Полины, я ни разу не заходил в дом № 4 на Монмартре.

– Надеюсь, – продолжал наш достойный учитель с той отеческой заботливостью, которую он всегда проявлял к своим ученикам, – что вас привело сюда не какое-нибудь скверное дело?

– Нет, дорогой мэтр! Я пришел просить вас об одолжении, – ответил я, – однако оно не из тех, какие вы оказывали мне прежде.

– Я к вашим услугам. В чем дело?

– Дорогой друг, вы должны помочь мне: я в затруднении.

– Если в моих силах вам помочь, считайте, что это уже сделано.

– Спасибо. Я никогда не сомневался в вас.

– Говорите, я жду.

– Представьте себе, я только что заключил договор со своим издателем, а мне нечего дать ему.

– Черт возьми!

– Вот я пришел к вам. Не поделитесь ли вы со мной своими воспоминаниями?

– Я?

– Именно вы. Я не раз слышал, как вы рассказывали о своей поездке в Россию.

– Не спорю.

– В какие годы вы там были?

– В 1824, 1825 и 1826-м.

– Как раз в наиболее интересное время: конец царствования императора Александра I и восшествие на престол императора Николая I.

– Я был свидетелем похорон первого и коронавания второго.

– Я же говорил!

– Поразительная история!

– Как раз то, что мне нужно.

– Представьте себе... У меня в самом деле есть кое-что. Вы терпеливы?

– Вы спрашиваете об этом у человека, который только и делает, что дает уроки.

– В таком случае подождите.

Он подошел к шкафу и вынул оттуда какую-то толстенную папку.

– Вот то, что вам требуется.

– Рукопись, прости Господи!

– Это путевые записки одного моего коллеги, который был в Петербурге одновременно со мной. Он видел то же, что видел я, и вы можете положиться на него, как на меня самого.

– И вы даете эту рукопись мне?

- В полную собственность.
- Но ведь это же сокровище!
- Сокровище, в котором больше меди, нежели серебра, и больше серебра, нежели золота.

Словом, вот вам рукопись и постарайтесь употребить ее с наибольшей для себя пользой.

- Дорогой мой, сегодня же вечером засяду за работу и через два месяца...

- Через два месяца?

- Ваш друг проснется утром и увидит свое детище напечатанным.

- Правда?

- Можете быть спокойны.

- Честное слово, это доставит ему удовольствие.

- Кстати, рукописи недостает одной мелочи.

- Чего же именно?

- Заглавия.

- Как, я должен дать вам еще и заглавие?

- Дорогой мой, не делайте добрых дел наполовину.

- Вы плохо смотрели, заглавие имеется.

- Где же?

– Вот здесь, на этой странице. Взгляните: «Учитель фехтования, или Полтора года в Санкт-Петербурге».

- Ну что ж, раз оно есть, мы его оставим.

- Так как же?

- Заглавие принято.

Благодаря этому предисловию читатель примет в соображение, что ни одна строчка книги не принадлежит мне, даже ее заглавие.

Впрочем, речь ведет друг мэтра Гризье.

Глава первая

Я переживал еще пору иллюзий и владел капиталом в четыре тысячи франков, который казался мне неисчерпаемым богатством, когда услышал о России, как о настоящем Эльдорадо для всякого мастера своего дела. Я верил в свой талант и потому решил отправиться в Санкт-Петербург.

Сказано – сделано. Я был одинок, семьи у меня не было, долгов – также. Стало быть, мне требовалось только запастись несколькими рекомендательными письмами и паспортом, что не отняло много времени, и спустя неделю я уже ехал в Брюссель.

В столице Бельгии я пробыл два дня. В Льеже – один день. Здесь в городском архиве служил мой старый школьный товарищ, и я не хотел проехать мимо, не повидавшись с ним. Я рассказал ему о своем желании посетить крупнейшие города Пруссии и места известных сражений. Но он рассмеялся, говоря, что в Пруссии останавливаются не там, где хотят, но там, где это угодно вознице, в полном распоряжении которого находятся все пассажиры. Действительно, по пути из Кельна в Дрезден, где я имел намерение остаться на три дня, нам позволяли выходить из нашей клетки лишь для того, чтобы поесть, на что уделялось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы насытиться. После трех дней такого вынужденного заключения, против которого никто из пассажиров не протестовал – настолько это было обычно в королевстве его величества Фридриха-Вильгельма, – мы прибыли в Дрезден.

Не стану подробно описывать, как я добрался до России. Начиная от Вильны я уже ехал по тому самому пути, по которому двенадцать лет тому назад Наполеон шел на Москву.

Я хотел было осмотреть Смоленск и Москву, но для этого нужно было бы сделать крюк верст в двести, что было для меня невозможным. Проведя один день в Витебске и побывав в доме, в котором две недели прожил Наполеон, я сел в повозку, в какой разъезжают курьеры в России. Она называется здесь «перекладной», потому что лошадей перекладывают на каждой почтовой станции.

В эту повозку была впряжена тройка. Одна из лошадей, коренник, бежала молча, высоко подняв голову, а обе пристяжные ржали на бегу, так низко опустив головы, словно собирались вцепиться зубами в землю. Отметим, что по этой же дороге совершала некогда свое путешествие в Тавриду Екатерина.

На другой день вечером я уже прибыл в Великие Луки. Дороги были настолько плохи, а мой экипаж – такой тряский, что я намеревался остановиться здесь, чтобы хоть немного отдохнуть, но решил ехать дальше: мне оставалось до Петербурга не более ста семидесяти верст. Бесполезно говорить о том, что во всю эту ночь я не сомкнул глаз: я катался по повозке, как орех в скорлупе. Много раз я пытался уцепиться за деревянную скамейку, на которой лежало нечто вроде кожаной подушки толщиной в тетрадь, но поминутно скатывался с нее и должен был снова взбираться на свое место, жалея в душе несчастных русских курьеров, которым приходится делать тысячи верст в этих ужасных повозках.

Во всяком другом экипаже я мог бы читать. И надо сказать, что, измученный бессонницей, я не раз пробовал взяться за книгу, но уже на четвертой строчке она вылетала у меня из рук, а когда я наклонялся, чтобы поднять ее, больно стучался головой или спиной, что быстро излечило меня от желания читать.

В начале следующего дня я был в небольшой деревеньке, Бежанице, а в четвертом часу дня – в Порхове, старом городе, расположенном на реке Шелони. Это составляло половину моего пути. Меня искушало желание переночевать здесь, но комната для приезжих оказалась так грязна, что я предпочел продолжать путь. Кроме того, ямщик уверил меня, что дальше дорога пойдет лучше: это и заставило меня принять столь героическое решение.

Дальше мы поскакали галопом, и меня еще больше бросало и швыряло во все стороны. Ямщик на облучке тянул какую-то заунывную песню, слов которой я не понимал, но грустный мотив ее как нельзя лучше соответствовал моему печальному положению. Скажи я, что мне удалось заснуть в эту ночь, никто бы мне не поверил, да и я сам не поверил бы себе, если бы не проснулся, больно ударившись лбом обо что-то твердое. Повозку так тряхнуло, что ямщик чуть не вылетел со своего сиденья. Тут мне пришло в голову обменяться с ним местами, но как я ему ни толковал об этом, он не мог понять меня. Впрочем, он, может быть, боялся согласиться, так как думал, что в таком случае не исполнит своего долга. Мы поехали дальше: ямщик продолжал свою песню, а я – свою невольную пляску в повозке. Около пяти утра мы прибыли в село Городец, где остановились позавтракать. Слава Богу, отсюда до цели моего путешествия оставалось не более пятидесяти верст.

И вот я снова в своей повозке. Я спросил ямщика, нельзя ли поднять ее верх, на что он охотно согласился.

В Луге мне пришла в голову другая, не менее блестящая мысль: снять сиденье, настлат в повозку побольше соломы, а под голову вместо подушки положить свой плащ. Благодаря этому я получил возможность ехать сравнительно сносно. В Гатчине ямщик указал мне на дворец, в котором жил Павел I во время всего царствования Екатерины. Затем в Царском Селе я увидел дворец, где и поныне живет император Александр, но я так устал с дороги, что удовольствовался созерцанием этих дворцов издали, дав себе слово осмотреть их более основательно, вернувшись сюда в экипаже лучше.

За Царским Селом в дрожках, которые ехали впереди меня, сломалась ось. Хотя экипаж и не перевернулся, но сильно накренился. Из него выскочил какой-то высокий худощавый господин, держа в одной руке цилиндр, а в другой – небольшую карманную скрипку. Он был в черном фраке, какой носили парижане в 1812 году, в коротких панталонах, в шелковых черных чулках и туфлях с пряжками. Очутившись на дороге, он начал топать сперва правой, затем – левой ногой, потом прыгать, очевидно, желая удостовериться, что ничего не сломал себе. Я счел невозможным проехать мимо, не остановившись и не спросив его, не случилось ли с ним какой-нибудь беды.

– Никакой, сударь, – отвечал он, – если не считать, что я пропущу урок. А за каждый урок я получаю по луидору. Ученица моя – красивейшая женщина Петербурга, мадемуазель де Влодек. Послезавтра она должна изображать Филадельфию, одну из дочерей лорда Бартона с картины Ван-Дейка на празднестве, которое дается при дворе в честь герцогини Веймарской.

– Простите, сударь, – отвечал я, – мне не совсем понятны ваши слова, но это ничего не значит, раз я могу вам быть полезен...

– Не только полезны, но вы можете прямо-таки спасти меня. Представьте себе, что я только что давал урок танцев княгине Любомирской, на ее даче, в двух шагах отсюда. За этот урок я получаю два луидора – меньше я там не беру. Я пользуюсь известностью и извлекаю из этого выгоду. Все это понятно, так как других французов, учителей танцев, кроме меня, в Петербурге нет. А экипаж княгини, в котором меня отвозят в город, как видите, сломался. К счастью, я дешево отделался.

– Если не ошибаюсь, сударь, – сказал я, – то я могу оказать вам услугу, предложив место в своей повозке.

– О, милостивый государь, это было бы огромным одолжением для меня, но я не осмеливаюсь...

– Как! Между соотечественниками?

– Стало быть, вы француз?

– И также артист.

– Вы артист? Ах, сударь, Петербург скверный город для артистов! Особенно для учителей танцев. Надеюсь, вы не учитель танцев?

– Но ведь вы мне только что сказали, что вам платят по луидору за урок. Это, мне кажется, весьма изрядная плата.

– Совершенно верно, но теперь, знаете ли, не то, что было прежде. Французы все здесь испортили. Так вы не учитель танцев? Нет?

– А мне между тем рассказывали о Петербурге как о замечательном городе для любого мастера своего дела.

– Совершенно верно, так оно и было прежде. Какой-нибудь жалкий парикмахер зарабатывал здесь еще недавно по шестьсот рублей в день, а я с трудом выколачиваю восемьдесят. Скажите, сударь, вы действительно не учитель танцев?

– О нет, дорогой соотечественник, – отвечал я, тронутый его беспокойством, – вы можете смело сесть в мою повозку, не боясь, что я окажусь вашим конкурентом.

– С удовольствием принимаю ваше приглашение, сударь, – сказал мой собеседник, усаживаясь в повозку рядом со мною, – теперь благодаря вам я поспею вовремя к уроку.

Ямщик погнал лошадей, и три часа спустя, то есть уже вечером, мы въехали в Петербург через Московские ворота. Мой спутник оказался весьма милым и любезным собеседником; убедившись, что я не учитель танцев, он посоветовал мне остановиться в Лондонской гостинице, на углу Невского и Адмиралтейской площади.

Мы расстались. Он сел на извозчика, а я направился в указанную им гостиницу.

Нечего говорить о том, что, несмотря на все желание поскорее ознакомиться с городом Петра I, я отложил это дело до следующего дня. Я был буквально разбит и едва держался на ногах. С трудом добрался я до своего номера, где, к счастью, оказалась хорошая постель, чего я был лишен в пути начиная от Вильны.

Проснувшись на другой день около двенадцати часов дня, я первым делом подбежал к окну: передо мной высилось Адмиралтейство со своей длинной золотой иглой, на которой красовался маленький кораблик. Адмиралтейство было окружено деревьями. Слева находился сенат, а справа – Зимний дворец и Эрмитаж. Между ними виднелись изгибы Невы, показавшейся мне широкой, как море.

Одевшись, я наскоро позавтракал, тотчас же выбежал на Дворцовую набережную и добрался до Троицкого моста, длиною в тысяча восемьсот шагов, откуда мне советовали посмотреть на город. Должен сказать, что это был один из лучших советов, данных мне в жизни.

Не знаю, есть ли в мире вид, который мог бы сравниться с развернувшейся перед моими глазами панорамой.

Справа, неподалеку от меня, стояла крепость, колыбель Петербурга, как корабль пришвартованная к Аптекарскому острову двумя легкими мостами. Над ее стенами возвышались золотой шпиль Петропавловского собора, места вечного упокоения русских царей, и зеленая крыша Монетного двора. На другом берегу реки, против крепости, я увидел Мраморный дворец, главный недостаток которого заключается в том, что архитектор как бы случайно забыл сделать ему фасад. Далее шли Эрмитаж, великолепное здание, построенное Екатериной II, Зимний дворец, привлекающий внимание скорее своей массой, чем формой, своей величиной, чем архитектурой, и Адмиралтейство с двумя павильонами и гранитными лестницами. К нему ведут два главных проспекта Петербурга: Невский, Вознесенский и Гороховая улица. Наконец, за Адмиралтейством виднелась Английская набережная с ее великолепными зданиями, которая упирается в Новое Адмиралтейство.

Прямо передо мной находились Васильевский остров, Биржа, модное здание, построенное – не знаю почему – между двумя роstralными колоннами. Две ее полукруглые лестницы спускаются к самой Неве. Тут же неподалеку расположены всякие научные учреждения – Университет, Академия наук, Академия художеств и там, где река делает крутой изгиб, – Горный институт.

С другой стороны Васильевский остров, обязанный своим названием одному из приближенных Петра I по имени Василий, омывается Малой Невкой, отделяющей его от Вольного острова. Здесь, в прекрасных садах, за позолоченными решетками цветут в течение трех месяцев, что длится петербургское лето, всевозможные редчайшие растения, вывезенные из Африки и Италии; здесь же расположены роскошные дачи петербургских вельмож.

Если встать спиной к крепости, а лицом против течения реки, панорама меняется, по-прежнему оставаясь грандиозной. В самом деле, неподалеку от моста, где я стоял, находятся на одном берегу Невы Троицкий собор, а на другом – Летний сад. Кроме того, я заметил слева от себя деревянный домик, в котором жил Петр I во время постройки крепости. Около этого домика до сих пор сохранилось дерево, к которому на высоте десяти футов прикреплен образ Богоматери.

Когда основатель Петербурга спросил у кого-то, до какой высоты поднимается вода в Неве во время наводнения, ему показали этот образ Божьей матери, и он был готов отказаться от своего грандиозного плана основать здесь столицу. Дерево и прославленный домик окружены каменным строением с аркадами для защиты их от влияния времени и от разрушительного действия климата. Сам домик поражает своей удивительной простотой. В нем всего три комнаты: гостиная, столовая и спальня. Петр I строил город и не имел времени построить для себя дворец.

Дальше и по-прежнему слева от меня лежал старый Петербург с Военным госпиталем и Медицинской академией, а за ним деревня Охта и ее окрестности. На противоположном берегу, правее кавалергардских казарм, были расположены Таврический дворец под изумрудной крышей, артиллерийские казармы и старый Смольный монастырь.

Трудно сказать, сколько времени я оставался на мосту, восхищаясь этой дивной панорамой. Правда, при более внимательном рассмотрении всех этих дворцов и садов они кажутся оперной декорацией: колонны, производившие издали впечатление мраморных, были на самом деле кирпичными, но на первый взгляд вид их был так восхитителен, что он превосходил все, что можно себе представить.

Пробило четыре часа, а меня предупреждали, что табльдот в гостинице начинается в половине пятого. Поэтому, к крайнему своему сожалению, я должен был вернуться домой. Назад я шел мимо Адмиралтейства, чтобы лучше рассмотреть колоссальный памятник Петру I, который раньше видел только издали, из моего окна.

При беглом знакомстве население Петербурга отличается одной характерной особенностью: здесь живут либо рабы, либо вельможи – середины нет.

Надо сказать, что сначала мужик не вызывает интереса: зимой он носит овчинный тулуп, летом – рубашку поверх штанов. На ногах у него род сандалий, которые держатся при помощи длинных ремешков, обвивающих ногу до самых колен. Волосы его коротко острижены, а борода – такая, какая ему дана природой. Женщины носят длинные полушубки, юбки и огромные сапоги, в которых нога совершенно теряет форму.

Зато ни в какой другой стране не встретишь среди народа таких спокойных лиц, как здесь. В Париже из десяти человек, принадлежащих к простому люду, лица пяти или шести говорят о страдании, нищете или страхе. В Петербурге я ничего подобного не видел.

Другая особенность, поразившая меня в Петербурге, – это свободное передвижение по улицам. Этим преимуществом город обязан трем большим каналам, по которым вывозят отбросы и доставляют продукты и дрова. Быстро несутся дрожки, кибитки, брички, рыдваны; только и слышишь на каждом шагу: «Погоняй». Кучера чрезвычайно ловки и правят лошадьми отлично. На тротуарах никакой толчеи.

Среди жемчужин Петербурга первое место занимает памятник Петру I, воздвигнутый благодаря щедрости Екатерины II. Царь изображен верхом на коне, взвившемся на дыбы, – намек на московское дворянство, укротить которое ему было нелегко. Для завершения алле-

гории памятника скажу, что стоит он на дикой гранитной скале, которая должна указывать на те затруднения, какие пришлось преодолеть основателю Петербурга.

Часы пробили половину пятого, когда я в третий раз обходил решетку, окружающую памятник; мне пришлось оторваться от созерцания этого шедевра нашего соотечественника Фальконета, иначе я рисковал бы оказаться без места за табльдотом.

... Весть о моем прибытии распространилась чуть ли не по всему городу благодаря моему попутчику, который, однако, не мог ничего сказать обо мне, кроме того, что я путешествовал на почтовых и не был учителем танцев. Эта новость должна была причинить беспокойство всей здешней французской колонии, члены которой боялись встретить во мне конкурента или же соперника.

Мое появление в столовой отеля вызвало шушуканье среди почтенных сотрапезников, почти сплошь французов, и каждый из них старался по моей фигуре и манерам определить, к какому кругу общества я принадлежу. Но разрешить эту задачу было нелегко. Я сделал общий поклон и занял свое место.

За супом к моему инкогнито, благодаря скромности первого произведенного мной впечатления, относились еще с некоторым уважением, но уже за жарким долго сдерживаемое любопытство прорвалось у моего соседа.

– Вы, вероятно, приезжий, сударь? – спросил он, протягивая мне свой стакан.

– Да, я приехал вечером, – ответил я, наливая ему вина.

– Вы наш соотечественник? – спросил мой сосед слева с наигранной сердечностью.

– Вполне возможно, я прибыл из Парижа.

– А я из Тура, из этого сада Франции, где, как вы знаете, говорят на самом чистом французском языке. Я приехал в Петербург, чтобы стать здесь учителем. Вы, вероятно, приехали не для этого? В противном случае я дал бы вам благой совет немедленно вернуться во Францию.

– Почему?

– Потому что последняя ярмарка учителей в Москве оказалась весьма плохой.

– Ярмарка учителей? – переспросил я в изумлении.

– Да, сударь, разве вы не знаете, что несчастный Ле Дюк потерял в этом году половину своих клиентов?

– Сударь, – обратился я к своему соседу справа, – не откажите в любезности, объясните мне, кто этот Ле Дюк?

– Чрезвычайно почтенный ресторатор, который содержит одновременно контору учителей. Они живут у него на полном содержании, и он оценивает их согласно достоинствам. На Пасху и на Рождество, когда все знатные русские обыкновенно съезжаются в столицу, он открывает контору, подбирает места для своих учителей и таким образом возвращает все расходы по их содержанию да еще получает комиссионные. Так вот, сударь, в этом году треть его учителей осталась без места, и, кроме того, ему вернули шестую часть тех, которых он отправил в провинцию. Бедный человек совсем разорился.

– Вот как?!

– Вы сами видите, сударь, – продолжал учитель, – что если вы явились сюда в качестве гувернера, то выбрали плохой момент, так как даже туренцам, которые говорят на лучшем французском языке, и тем с трудом удалось устроиться.

– Можете быть вполне спокойны на этот счет, – ответил я, – у меня другая профессия.

Затем сидевший против меня господин, акцент которого изобличал в нем уроженца Бордо, обратился ко мне с такими словами:

– Со своей стороны должен вас предупредить, сударь, что если вы торгуете вином, то здесь это жалкое занятие, которое может вам обеспечить разве только достаточное количество воды для питья.

– Вот как? – удивился я. – Неужели русские всецело перешли на пиво, или, может быть, они завели где-нибудь собственные виноградники, например, на Камчатке?

– Пустяки! Если бы так, с ними еще можно было бы конкурировать, но дело в том, что настоящие русские баре покупать-то покупают, но платить – не платят.

– Я вам очень благодарен, сударь, за ваше сообщение. Что же касается моего товара, я уверен, что не обанкрочусь. Вином я не торгую.

Какой-то господин с сильным лионским акцентом, одетый, несмотря на жаркое лето, в немецкий сюртук с меховым воротником, вмешался в нашу беседу.

– Во всяком случае, – обратился он ко мне, – я вам посоветую, если вы торгуете сукном и мехами, приобрести лучший наш товар для себя: вид у вас не очень здоровый, а климат здешний для слабогрудых чрезвычайно опасен. За прошлую зиму здесь умерло пятнадцать французов. Именно на это я хотел обратить ваше внимание.

– Я буду осторожен, сударь. Я и в самом деле рассчитываю стать вашим покупателем и надеюсь, что вы отнесетесь ко мне как к соотечественнику...

– Разумеется, и с превеликим удовольствием! Я сам родом из Лиона, второй столицы Франции, и вы знаете, конечно, что мы, лионцы, пользуемся репутацией крайне добросовестных людей. Но раз вы не торгуете ни сукном, ни мехами...

– Да разве вы не видите, что наш дорогой соотечественник не желает говорить, кто он, – произнес сквозь зубы господин с завитой шевелюрой, от которого так и несло жасмином, – разве вы не видите, – повторил он, отчеканивая каждое слово, – что он не желает открыть нам свою профессию?

– Если бы я имел счастье обладать такой прической, как ваша, сударь, – ответил я, – и если бы она испускала такой же тонкий аромат, почтенное общество, вероятно, нисколько не затруднилось бы отгадать, кто я.

– Что вы хотите этим сказать, сударь? – вскричал завитой молодой человек.

– Я хочу сказать, что вы парикмахер.

– Милостивый государь, вы, кажется, желаете меня оскорбить?

– Разве это оскорбление, когда вам говорят, кто вы?

– Милостивый государь, – продолжал молодой человек, повышая голос и доставая из кармана свою визитную карточку, – вот мой адрес.

– Прекрасно, – сказал я, – но ваш цыпленок остынет.

– Вы отказываетесь дать мне удовлетворение?

– Вы желали знать мою профессию? Так вот, моя профессия не даст мне права драться на дуэли.

– Вы трус, милостивый государь!

– Нисколько, милостивый государь! Я учитель фехтования.

– О! – произнес завитой молодой человек и опустился на свое место.

Наступила тишина; мой собеседник пытался, но безуспешно отрезать крылышко от своего цыпленка.

– Быть учителем фехтования, – сказал мне бордосец, – превосходная профессия. Я занимался немного фехтованием, когда был помоложе и поглупее.

– Эта отрасль искусства мало культивируется здесь, – сказал один из сотрапезников.

– Совершенно верно, – заметил, в свою очередь, лионец. – Но я посоветовал бы господину профессору надевать во время уроков фланелевый жилет и меховое пальто.

– Уверяю вас, дорогой соотечественник, – сказал молодой завитой господин, который не мог сам разрезать цыпленка и поручил сделать это своему соседу, – уверяю вас, дорогой соотечественник, ведь вы, кажется, изволили сказать, что вы парижанин...

– Да.

– Я тоже... Так вот, вы избрали великолепную профессию, ибо здесь, видимо, нет ни одного настоящего учителя фехтования, если не считать некоего престарелого актера. Вы увидите его, вероятно, на Невском проспекте. Он учит своих учеников всего четырем приемам. Я тоже начал было брать у него уроки, но с первых же шагов заметил, что он скорее годится мне в ученики, чем в учителя. Я тут же прервал эти уроки, заплатив ему половину того, что беру за одну прическу, и бедняк был этим очень доволен.

– Я знаю, сударь, кого вы имеете в виду. Как иностранец и француз, вы не должны были бы так говорить: негоже унижать соотечественника. Позвольте вам дать этот небольшой урок, за который никакой платы мне не следует, даже и половины того, что вы получаете за прическу. Как видите, я довольно щедр.

С этими словами я встал из-за стола, ибо мне успела наскучить здешняя французская колония и захотелось поскорее от нее избавиться. В одно время со мной поднялся какой-то молодой человек, ни слова не проронивший за обедом, и мы вышли вместе с ним.

– Мне кажется, сударь, – обратился он ко мне, улыбаясь, – вам не потребовалось долгого знакомства, чтобы составить себе мнение о наших дорогих соотечественниках?

– Совершенно верно, и могу вам сказать, что это мнение не в их пользу.

– Увы, – сказал он, пожимая плечами, – вот по каким образцам о нас, французах, судят в Петербурге. Другие нации посылают сюда лучших своих представителей, а мы же, к сожалению, шлем худших. Конечно, это выгодно для Франции, но весьма печально для французов.

– А вы живете здесь, в Петербурге? – спросил я его.

– Да, уже целый год. Но сегодня вечером я уезжаю.

– Неужели?

– Извините, но меня ждет экипаж. Честь имею кланяться.

– Ваш покорнейший слуга.

«Черт возьми, – подумал я, – мне определенно не везет: встретил одного порядочного соотечественника, да и тот уезжает в день моего приезда».

В своем номере я застал мальчика, приготовлявшего мне постель. В Петербурге, как и в Мадриде, принято отдыхать после обеда. Два летних месяца здесь более жаркие, чем в Испании.

Мне в самом деле нужно было отдохнуть, так как я все еще чувствовал усталость после своего чудесного путешествия; кроме того, мне хотелось поскорее насладиться великолепными петербургскими ночами, о которых я так много был наслышан. Я спросил поэтому мальчика, не знает ли он, как достать лодку, чтобы покататься вечером по Неве. Тот ответил, что лодку достать легко, и если я дам ему на чай десять рублей, он это устроит. Я уже умел разбираться в русских бумажных деньгах, дал ему красную бумажку и велел разбудить себя в девять часов вечера.

Красная бумажка оказала свое действие: ровно в девять мальчик постучался в дверь моего номера и сказал, что лодка готова.

Ночь была мягкая и светлая. Можно было легко читать и прекрасно все видеть даже на большом расстоянии. Дневная жара сменилась вечерней прохладой, воздух был насыщен ароматом цветов.

Весь город, казалось, высыпал на набережную. На Неве, против крепости, стоял огромный баркас, на котором было более шестидесяти музыкантов. Вдруг раздался звуки чудесной музыки. Я приказал своим двум гребцам подъехать как можно ближе к этому прекрасному громадному оркестру. Оказалось, что все музыканты играли на рожках. Впоследствии, когда я ближе познакомился с русским народом, меня перестала удивлять как роговая музыка, так и целые громадные деревянные дома, построенные плотниками с помощью одних только пил и топоров. Но в тот момент я слышал эту музыку впервые и был ею очарован.

Концерт на воде длился далеко за полночь. Уже было около двух часов утра, а я все еще не отъезжал от баркаса, готовый и дальше слушать эту чарующую музыку. Казалось, что концерт давался исключительно для меня и что он больше не повторится. Мне удалось поближе рассмотреть эти музыкальные инструменты. Они оказались обыкновенными рожками, из которых извлекают разнообразные звуки.

Я вернулся в гостиницу, когда уже было светло, в восторге от белой ночи, от превосходной музыки и широкой, как море, реки, отражавшей, подобно зеркалу, все звезды и все фонари.

Петербург в действительности превзошел мои ожидания, и если он не был парадизом, то, во всяком случае, чем-то сродни ему.

Я долго не мог заснуть. Музыка все еще раздавалась у меня в ушах. Я лег в три часа, а в шесть уже был на ногах.

Я достал на родине несколько рекомендательных писем, но намеревался вручить их не раньше, чем устрою публичный сеанс фехтования: мне не хотелось давать о себе объявление. Из писем я взял только одно, которое некий мой друг просил лично передать адресату. Письмо было от его любовницы, обыкновенной гризетки Латинского квартала, на конверте стоял адрес ее сестры, продавщицы в каком-то модном магазине: «Мадемуазель Луизе Дюпюи, у мадам Ксавье. Магазин мод, Невский проспект, близ Армянской церкви, против базара».

Я предвкушал удовольствие, которое мне доставит передача этого письма. Вдали от Франции приятно встретить молодую красивую соотечественницу, – а я знал, что Луиза молода и хороша собою. Кроме того, она успела узнать Петербург, так как жила здесь уже четыре года, и могла быть мне полезна своими советами.

Было еще очень рано, поэтому я решил прогуляться по городу и вернуться на Невский только часов в пять пополудни.

Я позвал мальчика, но вместо него явился лакей. Лакеи здесь служат одновременно и слугами и проводниками: они чистят сапоги и показывают дворцы. Я позвал его для первой услуги, что же касается второй, то еще во Франции я настолько изучил Санкт-Петербург, что знал о здешних дворцах, во всяком случае, не меньше его.

Глава вторая

Мне не приходилось беспокоиться об извозчике, как вчера – о лодке. Как ни мало я знал Петербург, но успел заметить, что на каждом перекрестке здесь имеются стоянки кибиток и дрожек. Таким образом, едва я дошел через Адмиралтейскую площадь до Александровской колонны, как по первому моему знаку был окружен извозчиками. Они наперебой предлагали мне свои услуги. Таксы в Петербурге не существовало, мы сторговались: за пять рублей извозчик будет в моем распоряжении весь день. Я велел ему ехать прежде всего к Таврическому дворцу.

Извозчики в Петербурге – это обыкновенные крепостные, которые за известную сумму денег, называемую оброком, покупают у своих помещиков разрешение попытать счастья в Петербурге. Экипаж их – обыкновенные дроги на четырех колесах, в которых сиденье устроено не поперек, а вдоль, так что сидят на нем верхом, как дети на своих велосипедах у нас на Елисейских Полях.

В этот экипаж впряжена лошадь не менее дикая, чем ее хозяин, и привезенная из родных степей нередко за тысячи верст. Извозчик относится к своей лошади с чувством жалости и, вместо того чтобы ее бить, как это делают наши французские извозчики, беседует с нею еще более ласково, чем испанский погонщик мулов – со своими мулами. Лошадь для него – мать, тетка, ребенок. Он сочиняет для нее песни, в которых называет ее самыми ласкательными именами. И животное, чувствительное, по-видимому, к такому обращению, безостановочно бежит по городу, останавливаясь только для того, чтобы поесть из деревянных колод, устроенных на всех улицах.

Что касается самого извозчика, он очень напоминает неаполитанского лаццарони: нет нужды знать русский язык, чтобы объясняться с ним – с такой проницательностью он угадывает желание седока. Он помещается на облучке между седоком и лошадью, а порядковый номер прикреплен к его спине, дабы недовольный седок мог в любое время его снять. В таких случаях достаточно отнести или отослать номер в полицию, и вы можете быть уверены, что за свою вину извозчик понесет должное наказание. Такая предосторожность, как это видно из дальнейшего, вовсе не лишняя, и молва о происшествии, имевшем место в Москве зимою 1823 года, все еще передается в Петербурге из уст в уста.

Некая француженка, госпожа Л., возвращалась к себе домой поздно ночью. Она не хотела идти пешком и не желала, чтобы ее сопровождал слуга, которого ей предлагали знакомые, где она была в гостях. Послали за извозчиком, она дала ему свой адрес и уехала.

Кроме золотой цепи и бриллиантовых серег, извозчик успел заметить, что на госпоже Л. была прелестная дорогая шубка. Пользуясь темнотою ночи, окружающим безлюдьем и рассеянностью госпожи Л., которая, закутавшись в шубу, не видела, по каким улицам едет извозчик, последний привез ее на край города. Госпожа Л. увидела, что извозчик завез ее бог знает куда. Она стала звать, кричать, но извозчик, вместо того чтобы остановиться, погнал еще быстрее. Тогда она сорвала с него номер и бросилась бежать.

Извозчик соскочил с козел и погнался за нею. Госпожа Л. добежала до находившейся неподалеку открытой калитки какого-то кладбища. Ей приходилось думать уже не о драгоценностях и шубе, а о спасении собственной жизни. К счастью, ночь была так темна, что в двух шагах ничего не было видно. Вдруг госпожа Л. почувствовала, что куда-то проваливается. Она действительно упала в свежевырытую могилу, приготовленную для завтрашних похорон. Она мигом сообразила, что эта могила – ее спасение, и молча притаилась в ней. Извозчик продолжал бегать, искать ее, но безуспешно.

После долгих поисков он наконец уехал. Госпожа Л. оставалась в этой могиле, пока совсем не рассвело, а выбравшись из нее, тотчас же доставила номер извозчика в полицию. В

течение трех дней извозчик укрывался в лесу под Москвой, однако голод и холод заставили его искать убежища в одной из подмосковных деревень. Но его номер и приметы уже были известны. Его схватили, наказали кнутом и сослали на каторгу.

Однако такие случаи редки: русский народ по природе своей добр, и нет, пожалуй, другой столицы, где грабежи были бы так редки, как в Петербурге. Более того, хотя русский мужик и склонен к воровству, он боится совершить кражу со взломом. Вы можете смело доверить ему запечатанный конверт с деньгами. Даже зная о них, он в целости доставит это письмо по назначению.

Не знаю, был ли вором или нет мой извозчик, но он явно страшился быть обворованным мною: недаром, подъезжая к Таврическому дворцу, он заявил мне, что здесь есть два выхода, а потому должен я дать ему в счет договоренных пяти рублей столько, сколько ему следует за проезд. В Париже я бы с возмущением ответил на такое оскорбление. В Петербурге же мне оставалось только рассмеяться, ибо такие вещи случаются здесь с более высокопоставленными лицами, чем я, и даже они не обижаются на извозчиков.

В самом деле, месяца два тому назад император Александр, по своему обыкновению гуляя пешком по городу, был застигнут дождем. Он взял извозчика и велел ему ехать в Зимний дворец. Приехав, царь стал искать деньги в карманах и не нашел там ни копейки.

Тогда он сказал извозчику:

– Подожди, я вышлю тебе деньги.

– Ну нет, – отвечал извозчик, – шалишь!

– Как это – шалишь? – спрашивал государь удивленно.

– Да так.

– В чем дело?

– Вот что, барин, тут несколько выходов. Сколько раз я ни привозил сюда господ, а они уходили через другие двери и мне ничего не платили.

– Вот как, да ведь это Зимний дворец.

– Да-да, только большие господа, видно, очень беспамятны.

– Почему же ты не жаловался на этих обманщиков? – спросил Александр, которого очень забавляла эта сцена.

– Эх, барин, что же мы можем поделать с господами! С нашим братом, – он указал на свою бороду, – это точно, справиться можно, а с господами, которые бриты, – ничего не поделаешь. Ваше сиятельство, поищите-ка получше у себя в карманах. Авось найдется, чем заплатить.

– Вот что, – сказал Александр, снимая с себя пальто, – возьми мое пальто в залог. Человек вынесет тебе деньги, а ты отдашь ему пальто.

– Что правильно, то правильно, ваша честь!

Спустя несколько минут лакей вынес извозчику сто рублей: император заплатил ему разом и за себя и за тех, кто ранее обманывал его.

Я дал своему извозчику все пять рублей, довольный тем, что могу оказать ему больше доверия, чем он мне. Правда, я знал его номер, а он моего не знал.

Таврический дворец с его великолепной обстановкой, статуями, озерами с золотыми рыбками и прочим был подарен Потемкиным его могущественной повелительнице Екатерине II в память завоевания страны, имя которой он носил. Самой интересной была не пышность этого подарка, а строжайшая тайна, в которой он готовился.

В столице совершилось чудо: Екатерина ничего не знала о постройке этого дворца. Однажды Потемкин пригласил ее к себе на вечер, и императрица вместо знакомых ей лугов увидела волшебный дворец, окруженный садами, – дворец, как бы созданный феями.

Потемкин являл собой живой пример князя-высочки, которых много было в царствование Екатерины II. Но и сама императрица также была высочкой. Потемкин был унтер-офи-

цером одного из гвардейских полков. Екатерина – мелкой немецкой принцессой, и оба стали знамениты. Случай свел их.

Первое время Потемкин мечтал о Курляндском герцогстве и даже о польской короне, но потом оставил эти мысли. Впрочем, разве корона дала бы ему больше могущества, чем то, которым он обладал? Разве придворные не склонялись перед ним, как перед монархом? Разве на одной только левой руке у него не было больше бриллиантов, чем на царской короне? Разве он не имел специальных курьеров, которых посылал за стерлядями на Волгу, за арбузами в Астрахань, за виноградом в Крым, за цветами – повсюду, где имелись красивые цветы, и разве в числе других драгоценных подарков он не подносил ежегодно императрице, в день Нового года, блюдо свежих вишен, стоившее десять тысяч рублей?

Он беспрестанно создавал и разрушал, когда же не делал ни того ни другого, то всюду вносил смятение и вместе с тем биение жизни. Ничтожество становилось чем-то лишь в его отсутствие, при нем же все отступало в тень.

Принц де Линь говорил, что в Потемкине есть что-то великое, романтическое и варварское. И он был прав.

Смерть его была так же необыкновенна, как и жизнь, кончина так же неожиданна, как и возвышение. Он провел целый год в Петербурге среди бесконечных празднеств и оргий, полагая, что сделал достаточно для своей славы и для славы Екатерины, ибо ему удалось отодвинуть границы России за пределы Кавказа. Вдруг он узнает, что престарелый Репнин, воспользовавшись его отсутствием, разбил турок и принудил их к заключению невыгодного мира, иными словами, сделал за два месяца больше, чем он, Потемкин, за три года.

С этой минуты Потемкин не знает покоя: он, правда, болен, но все же должен спешить туда, на юг. Болезни своей он не боится, его крепкий организм победит ее. Он приезжает в Яссы, свою столицу, оттуда направляется в завоеванный им Очаков. Проехав несколько верст, он начинает испытывать удушье, выходит из экипажа, ложится на расстеленный на земле плащ и умирает у края дороги.

Екатерина чуть не скончалась от горя, получив известие о его смерти.

Таврический дворец, в котором в те дни жил великий князь Михаил, служил некогда временным местопребыванием королевы Луизы, которая надеялась когда-то победить своего победителя. Увидя ее в первый раз, Наполеон сказал ей:

– Я знал, что вы красивейшая из императриц, но не знал, что вы красивейшая из женщин.

Милостивое расположение корсиканского героя не было, однако, продолжительно. Однажды Луиза держала в руках розу.

– Подарите мне эту розу, – сказал Наполеон.

– Подарите мне Магдебург, – отвечала королева.

– О нет, – воскликнул Наполеон, – это слишком дорого!

В негодовании королева бросила на пол розу и не получила Магдебурга.

Осмотрев Таврический дворец, я отправился через Троицкий мост к домику Петра I, который видел до сих пор лишь издали.

Национальное русское чувство сохранило этот памятник в его первоначальном виде: столовая, гостиная и спальня как бы ждут возвращения царя. Во дворе стоит построенный самим саардамским плотником ботик, в котором он разъезжал по Неве, появляясь в тех местах возникающего города, где его присутствие было необходимо.

Неподалеку от домика Петра I находится и место его вечного упокоения. Тело его, как и других царей, покоится в Петропавловском соборе, расположенном посреди крепости. Собор этот, золотой шпиль которого дает превратное представление о его величине, в действительности мал и неказист по архитектуре. Его значение заключается единственно в том, что он служит усыпальницей русских царей. Могила Петра I расположена у боковой двери справа. В соборе собрано более семисот знамен, отнятых Петром у турок, шведов и персов.

По Тучкову мосту я переправился на Васильевский остров. Самыми замечательными зданиями являются здесь Биржа и Академия. Я прошел мимо этих зданий и по Исаакиевскому мосту и Вознесенскому проспекту дошел до Фонтанки, а оттуда направился в католическую церковь, где нашел у алтаря, посреди клира, могилу Моро с ее простой надгробной плитой.

Я побывал затем в Казанском соборе, важнейшем петербургском храме, двойная колонада которого построена по образцу колоннады собора Св. Петра в Риме. Снаружи собор оштукатурен, а внутри его сплошь бронза, мрамор и гранит. Двери медные или из массивного серебра, стены облицованы мрамором, пол из яшмы.

Достопримечательностей на один день было более чем достаточно. Я нанял извозчика и дал ему адрес мадам Ксавье; пора было отвезти письмо моей прекрасной соотечественнице. Прибыв на место, я узнал, что особа эта уже не служит у госпожи Ксавье, а живет на Мойке, при магазине Оржело. Найти ее было не трудно.

Десять минут спустя я был возле указанного дома. Решив пообедать в ресторане напротив, который, судя по фамилии владельца, принадлежал французу, я отпустил извозчика и зашел в магазин, где осведомился о Луизе Дюпюи.

Одна из барышень спросила, что мне надобно от мадемуазель Дюпюи: желаю ли я купить что-нибудь или у меня есть к ней личное дело. Я ответил, что явился по личному делу.

Она тут же встала и провела меня во внутренние покои.

Глава третья

Я очутился в маленьком будуаре, обитом азиатскими тканями, где моя соотечественница лежала на кушетке и читала роман. При виде меня она поднялась и спросила:

– Вы француз?

Я извинился, что являюсь к ней в час послеобеденного отдыха. Прибыв накануне, я еще не был знаком с местными обычаями. Затем я передал ей письмо.

– О, это от моей сестры! – вскричала она. – Милая Роза, как я рада известию от нее! Вы, стало быть, знакомы с ней? Здорова ли она и по-прежнему ли хороша?

– Что она хороша собою, я могу засвидетельствовать, – ответил я, – что же касается здоровья, то, надеюсь, она здорова. Я видел ее всего один раз, письмо же передал мне ее друг.

– Господин Огюст?

– Да.

– Милая сестренка, она, вероятно, очень довольна мной, ведь я послала ей прекрасные ткани и еще кое-что. Я приглашала ее приехать сюда, но...

– Но?

– Но в таком случае ей пришлось бы расстаться с господином Огюстом, а этого она не захотела. Садитесь, пожалуйста.

Я собрался было опуститься в кресло, но Луиза пригласила меня сесть на кушетку около нее. Я повиновался. Она углубилась в чтение письма, и у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть ее.

Женщины обладают одной удивительной способностью, свойственной только им, способностью, так сказать, преображаться. Передо мною была обыкновенная парижская гризетка, которая по воскресеньям ходила, вероятно, танцевать в «Прадо». Но достаточно было пересадить ее, как растение, на другую почву, чтобы она расцвела среди окружающей ее роскоши и богатства. Можно было подумать, что она родилась в этой обстановке. Я был хорошо знаком с представительницами того почтенного класса, к которому она принадлежала, но не находил в ней ничего, что напоминало бы о ее низком происхождении и об отсутствии у нее должного воспитания.

Перемена была настолько разительна, что при виде этой красивой женщины, причесанной на английский манер, ее простого белого пеньюара и крошечных турецких туфель, при виде, наконец, ее грациозной позы, словно нарочно выбранной художником, чтобы писать ее портрет, я смело мог вообразить себя в будуаре какой-нибудь элегантной аристократки из Сен-Жерменского предместья, но никак не в задней комнате модного магазина.

– В чем дело? – спросила меня Луиза, окончившая чтение письма и удивленная тем, что я так пристально смотрю на нее.

– Я люблюсь вами и думаю.

– О чем?

– Я думаю, что если бы мадемуазель Роза, вместо того чтобы героически хранить верность господину Огюсту, каким-то чудом оказалась в этом прелестном будуаре и увидела бы вас в эту самую минуту, она не бросилась бы в ваши объятия, а упала бы на колени, думая, что перед ней королева.

– Ваша похвала чрезмерна, – сказала, улыбаясь, Луиза. – В ваших словах верно лишь то, что я действительно переменилась. Да, очень переменилась, – добавила она со вздохом.

В комнату вошла молодая девушка из магазина.

– Сударыня, – сказал она, – «государыня» желает иметь такую же шляпу, какую вы сделали княгине Долгоруковой.

– Сама «государыня» здесь?

– Да.

– Попросите ее в салон. Я сейчас приду.

Девушка вышла.

– Вот что напомнило бы Розе, – сказала Луиза, – что я всего только бедная модистка. Но если вы желаете увидеть поразительную перемену, поднимите кончик ковра и понаблюдайте в эту стеклянную дверь.

С этими словами она ушла в салон, оставив меня одного. Я воспользовался ее разрешением и, осторожно подняв угол ковра, прильнул к стеклу.

Та, которую звали «государыней», оказалась молодой красивой женщиной двадцати двух – двадцати трех лет, с восточным типом лица: шея, уши и руки ее были усыпаны бриллиантами. Она опиралась на одну из своих служанок и, остановившись около дивана, сделала Луизе знак подойти. На скверном французском языке она велела ей показать самые лучшие и дорогие шляпы. Луиза тут же велела подать ей самые нарядные шляпы. «Государыня» примеряла их одну за другой, все время смотрясь в зеркало, которое держала перед ней сопровождавшая ее девушка, но ни одна шляпа ей не понравилась, так как не было точно такой, как у княгини Долгоруковой. Луиза предложила сделать ей точно такую же.

«Государыня» потребовала, чтобы новая шляпа была ей доставлена на следующий день утром. Луиза обещала, хотя для этого нужно было проработать всю ночь. «Государыня» удалилась, опираясь на руку сопровождавшей ее служанки. Луиза проводила ее до дверей и вернулась ко мне.

– Ну как? – спросила она меня, смеясь. – Что вы скажете об этой женщине?

– Скажу, что она очень хороша собой.

– Я не об этом вас спрашиваю. Что вы думаете о ней, кто она?

– Если бы я видел ее в Париже, с ее странными манерами, с потугами изображать из себя великосветскую даму, я подумал бы, что она отставная балерина, находящаяся на содержании у какого-нибудь лорда...

– Недурно для новичка, – сказала Луиза, – вы почти угадали. Эта красивая грузинка, что теперь с такой безразличной, скучающей миной ходит по персидским коврам, еще недавно была крепостной девкой, которую некий министр, фаворит императора, сделал своей любовницей. Эта метаморфоза произошла с ней всего четыре года тому назад, и, однако, девка уже забыла о своем происхождении. Или, лучше сказать, она вспоминает о нем в часы своего туалета, когда только и делает, что мучает прежних товаров, для которых стала теперь грозой. Слуги уже не смеют называть ее по имени, а величают «государыней». Вы слышали, как мне доложили о ее приходе? А вот пример жестокости этой выскочки, – продолжала Луиза, – недавно, когда она раздевалась, у нее под рукой не оказалось подушки для булавок. Что же вы думаете? Она воткнула булавку в грудь одной из своих горничных. Однако история эта надедала столько шума, что о ней узнал император. Но довольно о себе и о других: вернемся к вам. Позвольте мне, в качестве вашей соотечественницы, спросить, что, собственно, привело вас в Петербург. Быть может, я смогу вам быть полезной хотя бы советом, ведь я живу здесь уже четыре года.

– Сомневаюсь. И все же в благодарность за ваше участие скажу, что я приехал сюда в качестве учителя фехтования. А что, в Петербурге часто бывают дуэли?

– Нет, так как здесь дуэли почти всегда оканчиваются смертью; кроме того, и участники и свидетели дуэли знают, что их ожидает ссылка в Сибирь, а это охлаждает их пыл. Но не важно: недостатка в учениках у вас не будет. Позвольте мне только дать вам совет.

– Пожалуйста.

– Постарайтесь добиться высочайшего назначения в качестве учителя фехтования в какой-нибудь полк. Вы станете таким образом военным, а военная форма – здесь все.

– Ваш совет недурен. Но гораздо легче дать его, чем последовать ему.

– Отчего?

– Как мне добраться до императора? Ведь у меня нет никакой протекции!

– Я подумаю об этом.

– Вы?

– Это вас удивляет? – спросила Луиза, улыбаясь.

– Нет, меня ничто не удивит с вашей стороны: я считаю вас настолько очаровательной, что, уверен, вы добьетесь всего, чего бы ни захотели. Только я ничего не сделал, чтобы заслужить такое внимание с вашей стороны.

– Вы ничего не сделали? А разве вы не мой соотечественник? Разве вы не привезли мне письмо от моей дорогой Розы? Разве не вы доставили мне величайшее удовольствие, напомнив наш милый Париж?.. Надеюсь, я вас еще увижу.

– Приказывайте, я приду.

– Ну, когда?

– Если позволите, завтра.

– Хорошо, в тот же час, так как это наиболее свободное для меня время.

– Прекрасно, так до завтра.

Я расстался с Луизой, плененный ею и чувством, что уже не одинок в Петербурге, где она стала для меня ценной опорой. В дружбе женщины есть столько неизъяснимого очарования, что она невольно пробуждает в нас надежду.

Я пообедал против магазина Луизы у ресторатора по фамилии Талон, но не обнаружил ни малейшего желания заговорить с кем-либо из соотечественников, которых узнаешь всюду по громкому разговору и необычайной легкости, с какой они болтают о своих делах. Я был настолько поглощен своими мыслями, что если бы в эту минуту кто-нибудь подошел ко мне, он показался бы мне наглцом, желающим лишить меня части моих мечтаний.

Как и накануне, я нанял лодку с двумя гребцами и провел ночь на воде, наслаждаясь прелестной роговой музыкой и созерцая звезды в высоком небе.

Я вернулся домой в два часа, а в семь был уже на ногах. Желая поскорей закончить свое знакомство с местными достопримечательностями, чтобы потом всецело отдаться своим делам, я попросил лакея нанять для меня дрожки, в которых и отправился обозревать Петербург. Я побывал в Александро-Невской лавре, где видел раку Александра Невского с ее молящимися фигурами из массивного серебра почти в натуральную величину, заехал в Академию наук, где осмотрел замечательную коллекцию минералов, знаменитый Готторпский глобус, подаренный датским королем Фридрихом IV Петру I, кости мамонта, современника Всемирного потопа, найденные на Белом море путешественником Михаилом Адамсом.

Все это было очень интересно, и все же я поминутно смотрел на часы, думая о времени, когда опять увижусь с Луизой.

Наконец в четыре часа я уже не мог более ждать. Я поехал на Невский, рассчитывая погулять там часок, до пяти. Но у Екатерининского канала мне пришлось остановиться, потому что улица была запружена огромной толпой. Такое скопление народа в Петербурге было редчайшим явлением. Поэтому я отпустил извозчика и пошел узнать, в чем дело. Оказалось, что вели в тюрьму какого-то преступника, схваченного самим Горголи, петербургским полицеймейстером. Обстоятельства этого дела настолько интересны, что я хочу рассказать о них подробнее.

Горголи был одним из красивейших мужчин столицы и отважнейших генералов русской армии. По прихоти судьбы некий крупный мошенник был похож на него как две капли воды. Пройдоха решил использовать это сходство: он надел генеральскую форму, серую шинель с большим воротником, какую носил Горголи, достал экипаж и лошадей, в точности похожих на экипаж градоначальника, одел кучера точно так же, как одевался кучер Горголи, и в таком виде явился к богатому купцу на Большую Миллионную улицу.

– Узнаете меня? – спросил он. – Я Горголи, петербургский полицеймейстер.

– Как же, узнаю, ваше превосходительство.

– Мне немедленно нужны двадцать пять тысяч рублей. Не хочу ехать домой, так как дорога каждая минута. Дайте мне, пожалуйста, эту сумму и пожалуйста завтра утром ко мне, чтобы получить ее.

– Ваше превосходительство, – сказал купец, весьма польщенный вниманием полицеймейстера, – быть может, вам угодно больше?

– Э... ну, хорошо, дайте тридцать тысяч.

– С удовольствием, ваше превосходительство.

– Мерси! Завтра в девять часов жду вас у себя.

Мошенник тут же садится в свой экипаж и уезжает галопом по направлению к Летнему саду.

На другой день в назначенный час купец является к Горголи, который встречает его со своей обычной предупредительностью и спрашивает, по какому он делу.

Этот вопрос ошеломил купца, который только тут заметил разницу во внешности полицеймейстера и того, кто был у него накануне.

– Ваше превосходительство, – говорит он полицеймейстеру, – помогите, меня обворовали!

И рассказывает об обмане, жертвой которого он стал. Полицеймейстер внимательно выслушивает его, приказывает подать экипаж и надевает свою серую шинель. Затем он велит купцу еще раз во всех подробностях повторить всю историю и лично отправляется ловить мошенника.

Прежде всего Горголи едет на Большую Миллионную улицу и спрашивает будочника:

– Вчера я проезжал здесь в третьем часу дня. Ты видел меня?

– Так точно, ваше превосходительство.

– А видел ты, куда я отправился дальше?

– К Троицкому мосту, ваше превосходительство.

– Хорошо.

Генерал направляется к Троицкому мосту. При въезде на мост он спрашивает у другого будочника:

– Вчера я был здесь в начале четвертого часа. Ты видел меня?

– Видел, ваше превосходительство.

– Куда я держал путь?

– Вы изволили проехать по мосту, ваше превосходительство.

– Хорошо.

Горголи переехал на другую сторону реки и опять спросил у будочника, стоявшего у противоположного конца моста:

– Видел ты меня здесь вчера в половине четвертого?

– Так точно, ваше превосходительство, видел.

– Куда я направлялся?

– На Выборгскую сторону, ваше превосходительство.

– Хорошо.

Горголи едет дальше, решив преследовать преступника до конца. У военного госпиталя он опять спрашивает будочника. Последний направляет его к кабакам. Оттуда он едет по Воскресенскому мосту, Большому проспекту и в последний раз спрашивает будочника:

– Видел ты меня вчера около пяти часов?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Куда я поехал?

– На Екатерининский канал, ваше превосходительство, в дом № 19.

– Я зашел туда?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Видел ты, чтобы я вышел оттуда?

– Никак нет, ваше превосходительство.

– Хорошо. Позови на свое место другого будочника, а сам беги в ближайшую казарму и возвращайся сюда с несколькими вооруженными солдатами.

– Слушаю, ваше превосходительство.

Будочник убежал и минут через десять явился в сопровождении солдат.

Генерал подходит с ними к указанному дому, велит закрыть все выходы, расспрашивает дворника и узнает, что похожий на него человек действительно живет во втором этаже этого дома. Горголи идет туда, стучит, ему не открывают, он приказывает взломать дверь и сталкивается лицом к лицу со своим двойником, который приходит в ужас от этого посещения, причину которого он, конечно, знает, во всем сознается и тут же возвращает все тридцать тысяч рублей.

Мы видим, что в известном отношении Петербург не далеко ушел от Парижа.

Это происшествие, при финале которого я случайно присутствовал, задержало меня минут на двадцать. Еще через двадцать минут я уже мог отправиться к Луизе, что я и сделал. По мере того как я приближался к ее дому, сердце мое билось все сильнее. А когда я спросил в магазине, можно ли видеть Луизу, голос мой так дрожал, что я должен был дважды повторить свой вопрос.

Луиза ждала меня в будуаре.

Глава четвертая

Луиза встретила меня с той изящной непринужденностью, которая свойственна только нам, французам. Протянув мне руку, она усадила меня около себя.

– Ну вот, – сказала Луиза, – я уже позаботилась о вас.

– О, – пробормотал я с таким выражением, которое заставило ее улыбнуться, – не будем говорить обо мне, а поговорим лучше о вас.

– Обо мне? Разве я для себя хлопочу о месте учителя фехтования? Что же вы хотите сказать обо мне?

– Я хочу вам сказать, что со вчерашнего дня вы меня сделали счастливейшим человеком, что теперь я ни о ком и ни о чем не думаю, кроме вас, что я всю ночь не сомкнул глаз, боясь, что час нашего свидания никогда не настанет.

– Но послушайте, это форменное объяснение в любви.

– Рассматривайте мои слова, как вам будет угодно. Говорю вам не только то, что думаю, но и то, что чувствую.

– Вы шутите?

– Клянусь честью, нет.

– Вы говорите серьезно?

– Совершенно серьезно.

– В таком случае я должна с вами объясниться.

– Со мной?

– Дорогой соотечественник, я думаю, что между нами могут быть только чисто дружеские отношения.

– Почему?

– Потому, что у меня есть друг сердца. А на примере моей сестры вы могли убедиться, что верность – наш семейный порок.

– О, я несчастный!

– Нет, вы не несчастны! Если бы я дала возможность укрепить вашему чувству, вместо того чтобы с корнем вырвать его из вашего сердца, вы были бы действительно несчастны, но теперь, слава Богу, – улыбнулась она, – время еще не потеряно и я надеюсь, что ваша «болезнь» не успела развиваться.

– Не будем больше говорить об этом!

– Напротив, поговорим об этом. Вы встретитесь, конечно, у меня с человеком, которого я люблю, и вы должны знать, как и почему я полюбила его.

– Благодарю вас за доверие.

– Вы уязвлены, – сказала она, – и совершенно напрасно. Дайте мне руку, как хорошему товарищу.

Я пожал руку Луизы и, желая показать ей, что вполне примиряюсь со своей участью, проговорил:

– Вы поступаете вполне лояльно. Ваш друг, вероятно, какой-нибудь князь?

– О нет, – улыбнулась она, – я не так требовательна: он только граф.

– Ах, мадемуазель Роза, – воскликнул я, – не приезжайте в Петербург: вы вскоре забудете здесь Огюста!

– Вы осуждаете меня, даже не выслушав, – сказала Луиза. – Это дурно с вашей стороны. Вот почему я хочу вам все рассказать. Впрочем, вы не были бы французом, если бы приняли мои слова иначе.

– Надеюсь, ваше благосклонное отношение к русским не помешает вам справедливо отнестись к вашим соотечественникам?

– Я не хочу быть несправедливой ни к тем, ни к другим. Я сравниваю, вот и все. Каждая нация имеет свои недостатки, которых сама не замечает, потому, что они глубоко укоренились в ее натуре, но их хорошо замечают иностранцы. Наш главный недостаток – это легкомыслие. Русский, у которого побывал француз, никогда не говорит, что у него был француз, а выражается так: «У меня был сумасшедший». И не нужно говорить, какой это сумасшедший: все знают, что речь идет о французе.

– А русские – без недостатков?

– Конечно, нет, но их обыкновенно не замечают те, кто пользуется их гостеприимством.

– Спасибо за урок.

– Ах Боже мой, это не урок, а совет! Раз вы хотите остаться здесь надолго, вы должны стать другом, а не врагом русских.

– Вы правы, как всегда.

– Разве я не была когда-то такою же, как вы? Разве я не давала себе слово, что никогда ни один из этих вельмож, столь подобоострастных с царем и столь заносчивых с подчиненными, не добьется моего расположения? И не сдержала слова. Не давайте же никаких клятв, чтобы не нарушить их, как нарушила я.

– Вероятно, – спросил я Луизу, – вы долго боролись с собой?

– Да, борьба была трудная и долгая и чуть не окончилась трагически.

– Вы надеетесь, что любопытство восторжествует над моей ревностью?

– Нет, мне попросту хочется, чтобы вы знали правду.

– В таком случае говорите, я вас слушаю.

– Я служила раньше, – начала Луиза, – как вы уже знаете из письма Розы, у мадам Ксавье, самой известной хозяйки модного магазина в Петербурге. Вся знать столицы покупала у нее. Благодаря моей молодости и тому, что называют красотой, а больше всего тому, что я француженка, у меня, как вы, вероятно, догадываетесь, не было недостатка в поклонниках. Между тем, клянусь вам, даже самые блестящие предложения не производили на меня ни малейшего впечатления. Так прошло полтора года.

Два года тому назад перед магазином мадам Ксавье остановилась коляска, запряженная четверкой. Из нее вышли дама лет сорока пяти – пятидесяти, две молодые девушки и молодой офицер, корнет кавалергардского полка. Это была графиня Анненкова со своими детьми. Графиня с дочерьми жила в Москве и приехала на лето в Петербург к сыну. Их первый визит был к мадам Ксавье, которая считалась законодательницей мод. Женщины их круга просто не могли обойтись без помощи мадам Ксавье.

Обе барышни были очень изящны, что же касается молодого человека, я не обратила на него никакого внимания, хотя он не спускал с меня глаз. Сделав покупки, старая дама дала свой адрес: Фонтанка, дом графини Анненковой.

На следующий день молодой офицер один явился в наш магазин и обратился ко мне с просьбой переменить бант на шляпе одной из его сестер.

Вечером я получила письмо за подписью Алексея Анненкова. Как и все подобные письма, оно было с начала до конца объяснением в любви. Но в письме этом меня удивило одно обстоятельство – в нем не было никаких соблазнительных предложений и обещаний, в нем говорилось о завоевании моего сердца, но не о покупке его. Есть положения, в которых будешь смешной, если придержишься слишком строгой морали. Будь я девушкой из общества, я отослала бы графу его письмо не читая. Но ведь я была скромная модистка: я прочитала письмо и... сожгла его.

На следующий день граф опять пришел с поручением купить кое-что для своей матери. Увидев его, я под каким-то предлогом ушла из магазина в комнаты мадам Ксавье и оставалась там до тех пор, пока он не уехал.

Вечером я получила от него второе послание. Он писал в нем, что все еще надеется, так как думает, что я не получила его первого письма. Но и это письмо я оставила без ответа.

На другой день пришло третье письмо. Тон его поразил меня: от него веяло грустью, напоминающей печаль ребенка, у которого отняли любимую игрушку. Это не было отчаяние взрослого человека, теряющего то, на что он надеялся.

Он писал, что если я не отвечу и на это письмо, то он возьмет отпуск и уедет с семьей в Москву. Я снова ответила молчанием и полтора месяца спустя получила от него письмо из Москвы, в котором он сообщал мне, что готов принять безумное решение, которое может разбить всю его будущность. Он умолял ответить на это письмо, чтобы иметь хоть крупицу надежды, которая привяжет его к жизни.

Я подумала, что письмо написано, чтобы напугать меня, а потому оставила его без ответа, как и все предыдущие.

Спустя четыре месяца он прислал мне следующую записку: «Я только что приехал, и первая моя мысль – о вас. Я люблю вас столько же и, быть может, еще больше, чем прежде. Вы уже не можете спасти мне жизнь, но благодаря вам я еще могу полюбить ее».

Это упорство, эти таинственные намеки в его последних письмах, наконец, грустный тон их заставили меня написать графу, но ответ мой был, несомненно, не такой, какого он желал. Я закончила свое письмо уверением, что не люблю его и никогда не полюблю.

Вам кажется это странным, – прервала Луиза свой рассказ, – я вижу, вы улыбаетесь: по-видимому, такая добродетель смешна у бедной девушки. Но уверяю вас, дело тут не в добродетели, а в полученном мною воспитании. Моя мать, вдова офицера, оставшись без всяких средств после смерти мужа, воспитала таким образом Розу и меня.

Мне едва исполнилось шестнадцать лет, когда моя мать умерла и мы лишились скромной пенсии, на которую жили. Сестра научилась делать цветы, а я поступила продавщицей в магазин мод. В скором времени Роза полюбила вашего друга и отдалась ему, но я не поставила ей этого в вину: я считаю вполне естественным отдать свое тело, когда отдаешь сердце. Я же еще не встретила того, кого мне суждено было полюбить.

Наступил Новый год. У русских, как вы скоро в этом убедитесь, начало года празднуется очень торжественно. В этот день вельможа и крестьянин, княгиня и барышня из магазина, генерал и рядовой – становятся как бы ближе друг другу.

В день Нового года царь принимает у себя свой народ – около двадцати тысяч приглашенных являются на бал в Зимний дворец. В девять часов вечера двери дворца открываются, и его залы тут же наполняются самой разнообразной публикой, тогда как в течение всего года он доступен только для высшей аристократии.

Мадам Ксавье достала нам билеты, и мы решили пойти все вместе на этот бал. Несмотря на огромное стечение народа, на этих балах – как это ни странно – не бывает ни беспорядка, ни приставаний, ни краж, и молодая девушка, даже если она очутится здесь одна, может чувствовать себя в такой же безопасности, как в спальне своей матери.

Уже около получаса находились мы в зале дворца (теснота была так велика, что, казалось, лишнему человеку не найти там места), когда раздались звуки полонеза и среди приглашенных пронесся шепот: «Государь, государь!»

В дверях появляется его величество с супругой английского посла. За ним следует весь двор. Публика расступается, и в образовавшееся пространство устремляются танцующие. Перед моими глазами проносится поток бриллиантов, перьев, бархата, духов. Отделенная от своих подруг, я пытаюсь присоединиться к ним, но безуспешно. Замечаю только, что они мчатся мимо меня, словно подхваченные вихрем, и я тут же теряю их из виду. Я не могу пробиться сквозь плотную людскую стену, которая отделила меня от них, и оказываюсь одна среди двадцати пяти тысяч незнакомых мне людей.

Совершенно растерявшись, я готова обратиться за помощью к первому встречному, но тут ко мне подходит человек в домино, в котором я узнаю графа Алексея.

– Как, вы здесь одни? – удивился он.

– О, это вы, граф, – обрадовалась я, – помогите мне, ради Бога, выбраться отсюда. Достаньте мне экипаж.

– Разрешите мне отвезти вас, и я буду признателен случаю, который дал мне больше, чем все мои старания.

– Нет, благодарю вас. Я бы хотела извозчика.

– Но в этот час найти здесь извозчика невозможно. Оставайтесь еще один час.

– Нет, я должна уехать.

– В таком случае разрешите моим людям отвезти вас. И так как вы не желаете меня видеть, то – что поделать? – вы меня не увидите.

– Боже мой, я бы хотела...

– Другого выбора нет. Или пробудьте здесь еще немного, или согласитесь отправиться в моих санях, не можете же вы уйти отсюда одна, пешком и в такой мороз!

– Хорошо, граф. Я согласна уехать в ваших санях.

Алексей предложил мне руку, и мы чуть ли не целый час пробирались сквозь толпу, пока наконец не очутились у дверей, выходящих на Адмиралтейскую площадь. Граф позвал своих слуг, и через минуту у подъезда появились прелестные сани в виде крытого возка. Я села в них и дала адрес мадам Ксавье. Граф поцеловал мне руку, закрыл дверцу и сказал по-русски несколько слов своим людям. Сани помчались с быстротою молнии.

Минуту спустя лошади, как мне показалось, побежали еще быстрее, а кучер делал, по-видимому, невероятные усилия, чтобы сдержать их. Я стала кричать, но крики мои терялись в глубине возка. Хотела открыть дверцу, но не могла. После тщетных усилий я упала на сиденье, думая, что лошади понесли и что мы вот-вот налетим на что-нибудь и разобьемся.

Однако спустя четверть часа сани остановились и дверца открылась. Я была так расстроена всем происшедшим, что решительно не понимала, что со мною. Тут меня укутали с головой в какую-то шаль, понесли куда-то, и я почувствовала, что меня опустили на диван. С трудом сбросив с себя шаль, я увидела незнакомую комнату и графа Алексея у своих ног.

– О, – воскликнула я, – вы меня обманули! Это подло!

– Простите меня, – сказал он, – я не хотел упустить такой случай, в другой раз он уже не представится. Позвольте мне хоть раз в жизни сказать вам, что...

– Вы не скажете ни одного слова, граф! – закричала я, вскочив с дивана. – И сию же минуту велите отвезти меня домой, иначе вы поступите как бесчестный человек.

– Ради Бога!..

– Ни в коем случае!

– Я хочу только сказать... я вас так давно не видел, так давно не говорил с вами... Неужели моя любовь и мои просьбы...

– Я ничего не хочу слышать!

– Вижу, – продолжал он, – что вы меня не любите и никогда не полюбите. Ваше письмо мне подало было надежду, но и она меня обманула. Я выслушал ваш приговор и подчинюсь ему, я прошу только дать мне пять минут – и вы будете свободны.

– Вы даете слово, что через пять минут я буду свободна?

– Клянусь вам!

– В таком случае говорите.

– Выслушайте меня, Луиза. Я богат, знатного происхождения, у меня мать, которая обожает меня, две сестры, которые любят меня. С раннего детства я был окружен людьми, которые обязаны были повиноваться мне, и, несмотря на все это, я болен той болезнью, которою страдает большинство моих соотечественников в двадцать лет: я утомлен жизнью, я скучаю.

Болезнь эта – мой злой гений. Ни балы, ни празднества, ни удовольствия не сняли с моих глаз тот серый, тусклый налет, который заслоняет от меня жизнь. Я думал, что, быть может, война с ее приключениями и опасностями излечит мой дух, но теперь в Европе установился мир, и нет больше Наполеона, потрясающего и низвергающего государства.

Устав от всего, я пробовал было путешествовать, когда встретил вас. То, что я почувствовал к вам, не было любовным капризом, Я написал вам, полагая, что достаточно этого письма, чтобы вы уступили моим просьбам. Но, против моего ожидания, вы мне не ответили. Я настаивал, так как ваше сопротивление меня задевало, но вскоре убедился, что питаю к вам настоящую глубокую любовь. Я не пытался победить это чувство, потому что всякая борьба с собою утомляет меня, приводит в уныние. Я вам написал, что уеду, и действительно уехал. В Москве я встретил старых друзей. Они нашли меня мрачным, скучным и попытались развлечь. Но это им не удалось. Тогда они принялись искать причину моего грустного настроения, решили, что меня снедает любовь к свободе, и предложили мне вступить в тайное общество, направленное против царя.

– Боже мой, – вскричала я в ужасе, – вы, надеюсь, отказались?!

– Я вам писал, что мое решение будет зависеть от вашего ответа. Если бы вы любили меня, жизнь моя принадлежала бы не мне, а вам, и я не имел бы права распоряжаться ею. Когда же вы мне не ответили, доказав этим, что не любите меня, жизнь потеряла для меня всякий интерес. Заговор? Пусть так, это хоть послужит мне развлечением. А если он будет раскрыт? Ну что ж, мы погибнем на эшафоте. Я часто думал о самоубийстве, в этом случае все разрешится само собой: мне не придется накладывать на себя руки.

– О Боже мой! Неужели вы говорите правду?

– Я говорю вам, Луиза, истинную правду. Вот смотрите, – сказал он, беря с маленького стола какой-то конверт, – я не мог предвидеть, что встречу с вами сегодня. Я даже не знал, увижу ли я вас когда-нибудь. Прочтите, что здесь написано.

– Ваше духовное завещание!

– Да. Я сделал его в Москве, на следующий день после вступления в тайное общество.

– Боже мой! Вы оставляете мне тридцать тысяч рублей ежегодного дохода!

– Если вы не любили меня при жизни, мне хотелось, чтобы вы сохранили добрую память обо мне хотя бы после моей смерти.

– Ну что же случилось с этим заговором, с мыслями о самоубийстве? Вы отказались от всего этого?

– Луиза, вы можете теперь идти. Пять минут истекли. Но вы моя последняя надежда, последнее, что меня привязывает к жизни. Если вы уйдете отсюда с тем, чтобы никогда больше не вернуться, я даю вам честное слово, слово графа, что еще не закроется за вами дверь, как я пушу себе пулю в лоб.

– Вы сумасшедший!

– Нет. Я только скучающий человек.

– Вы не сделаете того, что говорите!

– Попробуйте!

– Ради Бога, граф...

– Послушайте, Луиза, я боролся до конца. Вчера я принял решение покончить со всем этим. Сегодня я вас увидел и мне захотелось рискнуть еще раз, в надежде, что, может быть, выиграю. Я поставил на карту свою жизнь. Ну что ж? Я проиграл – нужно платить!

Если бы он говорил мне все это в исступлении страсти, я не поверила бы ему, но он был совершенно спокоен. Во всех его словах слышалось столько правды, что я не могла уйти: смотрела на этого красивого молодого человека, полного жизни, которому нужна только я, для того чтобы он был вполне счастлив. Я вспомнила его мать и двух сестер, которые безумно любят его, вспомнила их счастливые, улыбающиеся лица. Я представила его себе обезображенным,

истекающим кровью, а их рыдающими и убитыми горем и спросила себя: какое право я имею разбивать счастье этих людей, разрушать их сладкие надежды? Кроме того, я должна вам признаться, что такая упорная привязанность дала свои плоды: в тиши ночей, в своем полном одиночестве, я не раз вспоминала об этом человеке, который постоянно думает обо мне. И прежде чем расстаться с ним навеки, я заглянула поглубже в свою душу и убедилась, что тоже... люблю его... Я осталась...

Алексей говорил правду: единственное, чего ему не хватало в жизни, была моя любовь. Вот уже два года, как мы любим друг друга, и он счастлив или, по крайней мере, кажется счастливым. Он забыл о тайном обществе, куда вступил со скуки и из-за отвращения к жизни. Не желая, чтобы я оставалась долее у мадам Ксавье, он, не говоря ни слова, снял для меня этот магазин. И вот уже полтора года, как я живу другою жизнью и даже изучаю науки, которыми пренебрегала в юности, словом, пополняю свое образование. Этим и объясняется то отличие, которое вы нашли во мне по сравнению с другими девушками моей профессии. Вы видите, стало быть, – закончила она свой рассказ, – что я недаром задержала вас: кокетка поступила бы иначе. И понимаете, что я не могу вас любить, потому что люблю его.

– Да. Понимаю теперь, с помощью кого вы собираетесь оказать мне протекцию.

– Я уже говорила с ним о вас.

– Благодарю, но я отказываюсь.

– Вы с ума сошли!

– Может быть, но такой уж у меня характер.

– Вы хотите навеки поссориться со мною? Да?

– О, это было бы ужасно для меня, ведь, кроме вас, я никого здесь не знаю.

– Ну так смотрите на меня как на сестру и предоставьте мне действовать.

– Вы этого непременно хотите?

– Я этого требую!

В эту минуту дверь отворилась, и в комнату вошел граф Алексей Анненков.

Это был красивый молодой человек лет двадцати пяти-шести, гибкий, стройный, с мягкими чертами лица, который, как мы уже говорили, служил корнетом в кавалергардском полку. Этим привилегированным полком долгое время командовал великий князь Константин, брат императора Александра, бывший в то время польским наместником. Граф был в мундире и при орденах. Луиза встретила его улыбкой.

– Добро пожаловать, ваше сиятельство. Позвольте представить вам моего соотечественника, о котором я уже говорила вам. Вот кому я прошу оказать ваше высокое покровительство.

Граф весьма любезно поздоровался со мной и, целуя руку Луизе, проговорил:

– Увы, милая Луиза, мое покровительство немногого стоит. Но для начала я хочу предложить вашему соотечественнику двух учеников: брата и себя.

– Это уже кое-что, – заметила Луиза, – а не упоминали ли вы о месте учителя фехтования в одном из здешних полков?

– Да, и со вчерашнего дня я навел кое-какие справки. Оказывается, в Петербурге уже имеются два учителя фехтования: один русский, другой француз, некто Вальвиль, ваш соотечественник, сударь, – обратился он ко мне. – Я не берусь судить о его достоинствах, но он сумел понравиться государю, который произвел его в майоры и наградил несколькими орденами. Теперь он состоит учителем фехтования в императорской гвардии. Что до моего соотечественника, то он милейший, прекраснейший человек, единственный недостаток которого в наших глазах состоит в том, что он русский. Он давал когда-то уроки фехтования самому государю, получил чин полковника и орден Св. Владимира. Надеюсь, вы не собираетесь для начала восстановить их обоих против себя?

– Конечно, нет, – ответил я.

– В таком случае вам надобно поступить следующим образом: устроить публичный сеанс и проявить на нем свое искусство. Когда слух о вас распространится по городу, я дам вам прекрасную рекомендацию, с которой вы явитесь к великому князю Константину, который находится как раз в Стрельне и, надеюсь, соблаговолит представить ваше прошение его величеству.

– Отлично! – воскликнула Луиза, очень довольная благосклонностью ко мне графа. – Видите, я вас не обманула.

– Я никогда в вас не сомневался. Граф – любезнейший из покровителей, а вы – превосходнейшая из женщин. Не далее как сегодня вечером я займусь составлением своей программы.

– Вот и хорошо, – заметил граф.

– Извините, граф, – сказал я, – но я хочу просить вас дать мне кое-какие сведения о здешних условиях. Я даю этот сеанс не для заработка, а для того, чтобы зарекомендовать себя. Скажите, пожалуйста, как мне поступить: разослать ли приглашения, как на вечер, или же назначить входную плату, как на спектакль?

– Непременно назначьте плату, – сказал граф, – иначе никто не пойдет к вам. Назначьте за билет десять рублей и пошлите мне сто билетов: я их размещу по своим знакомым.

От редкой любезности графа моя ревность улетучилась. Я поблагодарил его и откланялся.

На следующий день мои афиши были расклеены по всему городу, и через неделю я дал публичный сеанс, в котором не приняли участия ни Вальвиль, ни Синебрюхов – французский и русский учителя фехтования, а только любители из публики.

Я не намерен перечислять здесь свои подвиги, количество нанесенных и полученных мною ударов. Скажу только то, что уже во время сеанса наш посол, граф де ла Ферроне, пригласил меня давать уроки своему сыну графу Шарлю и что на следующий день я получил много хвалебных писем, между прочим, от герцога Вюртембергского, который тоже просил меня давать уроки его сыну; и графа Бобринского, который сам стал брать у меня уроки.

Когда мы опять встретились с графом Анненковым, он сказал мне:

– Ваш сеанс прошел весьма удачно, и вы приобрели репутацию отличного знатока своего дела. Теперь вам необходим официальный аттестат. Вот письмо к адъютанту великого князя. Сам князь уже наслышан о вас. Возьмите с собой прошение на высочайшее имя, польстите Константину и постарайтесь заручиться его протекцией.

– Но примет ли он меня, граф? – спросил я неуверенно. – Я хочу сказать, учтив ли он будет со мной?

– Послушайте, – рассмеялся граф Алексей, – вы оказываете нам слишком много чести. Вы считаете нас цивилизованными людьми, тогда как мы варвары. Вот письмо, но я ни за что не ручаюсь: все зависит от хорошего или дурного расположения духа великого князя. Выберите надлежащий момент. Вы француз, – стало быть, человек ловкий. Вам нужно выдержать борьбу и одержать победу.

– Да, но я не хочу толкаться в передних и боюсь дворцовых интриг. Уверю вас, ваше сиятельство, я предпочел бы всему этому настоящую дуэль.

– Жан Бар не более вас был привычен к гладким паркетам и придворным обычаям. А как он вышел из положения, явившись в Версаль?

– При помощи кулаков, граф!

– Поступите так же и вы. Кстати, я должен вам сказать, что Нарышкин, граф Чернышев и полковник Муравьев просили меня передать вам, что они хотели бы брать у вас уроки фехтования.

– Вы чрезвычайно любезны, граф.

– Ничуть, сударь: я исполняю данное мне поручение, только и всего.

– Мне кажется, что все складывается недурно, – заметила Луиза.

– Благодаря вам, Луиза. – И, обращаясь к графу, я добавил: – Завтра же воспользуюсь вашим советом и рискну.

– В добрый час!

Ободряющие слова графа были отнюдь не лишними.

Я уже слышал кое-что о великом князе, к которому должен был пойти. Мне легче было бы пойти на медведя, чем обратиться с просьбой к нему, этому странному человеку, в характере которого было столько же хороших, сколько и дурных черт.

Глава пятая

Великий князь Константин, младший брат Александра, по-видимому, унаследовал характер своего отца со всеми его странностями.

Насколько Константин не любил заниматься науками, настолько ему нравились военные учения. Фехтовать, скакать верхом, командовать армией казалось ему делом куда более полезным для великого князя, чем занятия живописью, ботаникой или астрономией. В этом отношении он походил на своего отца, императора Павла. Со временем он так пристрастился к военному делу, что даже в ночь после своей свадьбы встал в пять часов утра, чтобы провести учение с солдатами, охранявшими его дворец.

Разрыв России с Францией послужил не на пользу Константину, ибо отец послал его в Италию, чтобы он завершил свое военное образование под началом фельдмаршала Суворова. Но такой наставник, как Суворов, знаменитый столько же своим мужеством, сколько и странностями характера, мало подходил для того, чтобы отучить Константина от собственных странностей. В результате они не только не сгладились, а настолько увеличились, что вполне могло показаться, будто он унаследовал безумие своего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.